

1. Сучасний тлумачний словник української мови. – Харків: ВД „Школа”, 2006. – 832 с.
2. Савчук І.Г. Методичні підходи та принципи дослідження виробничого, інформаційного і фінансового потенціалів регіону України // Укр. геогр. журн. – 2011. – № 2. – С. 33–40.
3. Гуторов О.І. Оцінка земельних ресурсів та ефективності інвестицій. – К., 2008. – 369 с.
4. Підрушній Г.П. Дослідження потенціалу розвитку регіонів для потреб формування регіональної політики України // Регіональна політика України: наукові основи, методи, механізми: Тези доповідей Міжнар. наук.-практ. конференції. – Львів, 1998. – Ч. I. – С.169-171.

Інститут географії НАН України, Київ

Отримано 27.07.2011

УДК 911.3

М. Г. Никитина

«НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ» И ПРЕОДОЛЕНИЕ ПЕРИФЕРИЙНОСТИ

М.Г. Нікітіна

«НОВИЙ РЕГІОНАЛІЗМ» І ПОДОЛАННЯ ПЕРИФЕРІЙНОСТІ

Таврійський національний університет імені В.І.Вернадського, Сімферополь

Розглянуто регіональні проблеми соціально-економічного розвитку в контексті сучасних світових тенденцій, зокрема інтеграції та глобалізації, показано відмінності між «старим» та «новим» регіоналізмом. Однією з ознак останнього є пошук оптимальних шляхів включення країн-учасниць у загальносвітові процеси, перехід співробітництва з міждержавного на наддержавний рівень, формування наддержавних регіональних утворень – субрегіонів. Розглянуті сучасні форми субрегіонального співробітництва, особливості Центру та Периферії світової системи, місце України в цих процесах.

Ключові слова: інтеграція; глобалізація; регіоналізація; субрегіони; регіональний розвиток; периферійність.

М. Nikitina

«NEW REGIONALISM» AND OVERCOMING OF PERIPHERALITY

Taurida V.I. Vernadskyi National University, Simferopol

The regional problems of socio-economic development in the context of the modern world tendencies, particularly integration and globalization, are considered; the differences between “old” and “new” regionalism are shown. One of the features of “new regionalism” is searching optimal ways of the countries integration into worldwide processes, transition from inter-country cooperation into suprastate level – the level of suprastate regional formations (subregions). The modern forms of subregional cooperation, peculiarities of the Center and the Periphery of the world system and the place of Ukraine in these processes are considered.

Keywords: integration; globalization; regionalization; subregions; regional development; peripherality.

Современный мир в условиях нарастания процессов взаимовлияния и взаимозависимости государств все более четко демонстрирует сложности и противоречия своего развития. Это, прежде всего, – усиление социально-экономического неравенства стран; кризисные явления в экономическом развитии; проблемы технологического изматывания; рост сепаратизма и национализма.

Такое изобилие проблем в контексте глобализации значительно ограничивает возможности одного государства противостоять внешним вызовам и внутренним угрозам, а обострение конкуренции на мировом рынке, ограниченность природно-ресурсного и интеллектуального потенциала подталкивают государства к объединению своих усилий с целью совместного отстаивания национальных экономических интересов.

Для обоснования процесса регионализации мирового хозяйства выдвинуто немало теоретико-

методологических концепций, среди которых – разработки ведущих современных специалистов, таких как В. Дергачев, Д. Лукьяненко, Ю. Макогон, К. Мурадов, А. Румянцев, В. Рыбалкин, А. Филиппенко, Б. Хейфец, Ю. Шишков и др. Однако, с нашей точки зрения, особый интерес представляет подход, позволяющий рассматривать региональные проблемы социально-экономического развития в контексте мировых тенденций и закономерностей.

В связи с этим, целью данной работы является выявление роли регионализации в преодолении периферийности.

По мнению украинского академика Ю. Пахомова, регионализация – это попытка защититься от разрушительных последствий глобализации, основным толчком к которой послужили мировые финансовые кризисы 1998 и 2008 годов. Ведь формирование регионов дает им возможность «закрыться» и оставаться автаркичными в слу-

чае каких-либо потрясений во внешнем мире. Кроме того, регионализм расценивается и как средство сохранения политического контроля над глобализацией экономической сферы.

«Старый регионализм» возник в годы холодной войны и формировался «сверху» противостоящими блоками. Он характеризовался протекционистской направленностью и доминированием политических вопросов над всеми другими. «Новая» волна регионализма зародилась в середине 80-х годов минувшего века, а ее основные импульсы инициировались «снизу», лишь подкрепляясь политическими договоренностями.

«Новый регионализм» – это открытое сотрудничество, направленное на комплексное решение политических, экономических и экологических проблем, а сам феномен регионализма связан с:

- интеграционным переходом сотрудничества с межгосударственного на надгосударственный уровень;

- институционализацией международной интеграции, которая юридически оформляется созданием международной организации;

- поиском оптимальных путей включения стран-участниц в общемировые процессы.

В свою очередь, согласование межнациональных интересов приводит к их выходу на региональный уровень, к зарождению региональной культурной идентичности, что согласно современным научным подходам является важной характерной особенностью «нового регионализма» в международных отношениях начала XXI века.

Фактически регионализация способствует снятию барьеров и нарастанию роли регионов в процессе глобализации: регионализация катализирует процесс формирования «надрегионов» и «мегарегиональной интеграции» – движения к созданию наднациональных политических объединений со своими моделями политического диалога, экономического регулирования, правовыми институтами и системами безопасности.

Своеобразным компромиссом между регионализацией и глобализацией можно считать попытки воплотить в жизнь модель субрегионального сотрудничества, что можно рассматривать как результат совместных усилий государств, межгосударственных корпоративных коалиций и «транснационального регионостроительства» [9]. В соответствии с регламентом NUTS субрегион рассматривается как единица надгосударственного регионального образования, имеющая собственные специфические черты и особенности¹. Именно к

такой модели субрегионального сотрудничества целесообразно отнести создание системы коллективных отношений для защиты совместных экономических интересов в формате ГУАМ, хотя институализацию ГУАМ можно рассматривать и как следствие попытки сбалансировать влияние доминирующего в регионе государства. При этих условиях важным фактором субрегиональной стабильности остается такая структура межгосударственного сотрудничества как СНГ. Именно механизмы Содружества независимых государств, в значительной мере, отвечают функциональному характеру платформы корпоративной стабильности и безопасности на постсоветском пространстве.

Современные формы субрегионального сотрудничества – «Северное измерение», ОЧЭС – экспериментальны в том смысле, что состав их участников свидетельствует о желании преодолеть линии расхождения между Востоком и Западом. Они осуществляют попытку наладить «горизонтальное» сотрудничество между странами-членами НАТО, Европейским Союзом, кандидатами в этот блок, нейтральными государствами и бывшими республиками СССР. Западноевропейские эксперты, как правило, рассматривают новые модели субрегионального сотрудничества как средство найти оптимальное «разделение труда» в Старом Свете [5]. Такую интеграцию они предлагают, с одной стороны, как дополнение к расширению НАТО и ЕС, с другой – как компромисс при обсуждении перспектив расширения евроатлантических структур на Восток [4].

Новый мировой порядок пока не пришел к оптимальному балансу между глобализацией и регионализацией, так как различные научные школы по-разному трактуют феномен современного регионализма. Например, реалисты считают международную систему «анархической», поскольку определяющую роль в ней играют эгоистические интересы государств; институционалисты считают, что такую «анархию» можно исправить с помощью эффективных институтов – региональных блоков и альянсов; приверженцы когнитивного подхода усматривают в регионализме разновидность социальной рефлексии, базирующейся на доминирующих в данный момент (и способных трансформироваться в ходе взаимного приспособления) представлениях относительно идентичности и территориальной общности.

В Западной Европе распространена концепция «регионостроительства» [6], представляющая собой косвенную реакцию когнитивного подхода.

Некоторые эксперты трактуют регионализм как «конструирующееся явление» [8], которое невозможно отделить от социально-экономического контекста, например, коллапс биполярного мира

¹ NUTS – стандарт территориального деления стран, был разработан ЕС и детально охватывает только страны ЕС. Территориальные единицы – NUTS-единицы, определяемые данным стандартом, могут соответствовать административно-территориальным единицам стран, но в некоторых случаях данное соответствие отсутствует.

спровоцировал такие новые формы регионализма, как Причерноморское экономическое сотрудничество, формализованное в ОЧЭС. При этом к движущим силам регионализации причисляют не только государство, но и неправительственные структуры – «экономические группы интересов» [7].

Наиболее адекватно систему взаимоотношений различных регионов передает центр-периферическая модель миросистемного устройства, учитывающая нелинейность и многомерность совместного воздействия центростремительных и центробежных сил. И именно миросистемный анализ объясняет сложившиеся межрегиональные различия в уровнях социально-экономического развития ассиметричностью международного разделения труда.

Даже в период господства идей либерализма, основанных на принципе свободной торговли, в мировой экономике не существовало совершенной конкуренции на «чистом» мировом рынке. Способность организовать этот рынок и поддерживать правила его функционирования были прерогативой государств, обладающих соответствующей мощностью, – материальными и нематериальными ресурсами. Сильные государства, в соответствии с логикой развития капитализма, опираясь на концепцию «свободного рынка», обеспечивали процесс экспансии своих производителей.

Подобная концепция лежала в основе внешнеэкономической политики Британской империи, обладавшей в XVIII в. максимальной международной конкурентоспособностью. Однако, ряд экономистов, прежде всего Ф. Лист, доказывали, что в условиях неограниченной либерализации и игнорирования факта неравномерности экономического развития отдельных стран формируются условия консервации отсталости в промышленном развитии. Вследствие этого, существование Периферии в мировом хозяйстве является закономерным отражением процесса международного разделения труда и экспансии капитализма. Данный процесс, определяющий облик Центра и Периферии мировой системы, зависит от ряда факторов, в том числе: комбинаций различных форм производства; технологий организации труда; уровня дохода на душу населения.

С точки зрения миросистемного анализа восточноевропейские страны, в том числе и Украина, выполняют функцию Периферии относительно Центра приблизительно с XVI в., когда произошло перемещение экономических центров из Южной Европы (ориентированной на Средиземноморскую торговлю) в Северо-западную (ориентированную на Атлантическую торговлю, а именно – приток золота и серебра из Америки). В ходе развития своего хозяйства западноевропейские страны последовательно и целенаправленно формировали

зону Периферии в Восточной Европе. Их возможности экономического роста и доминирования и сейчас напрямую связаны с функционированием «зависимой» структуры экономик сопредельных государств, хотя главным фактором консервации подобной системы являются крайне медленные темпы модернизации и технологического развития самих постсоциалистических стран.

Формируемая странами-производителями новых технологий потребность в постоянном технологическом обновлении с целью развития (т.н. технологическое изматывание) продолжает втягивать экономики постсоциалистических стран в сферу экономической неоправданности.

В условиях растущей открытости формируются предпосылки для вовлечения в процессы регионализации все большего числа стран. Это может происходить в таких основных формах как: вступление в существующий многосторонний блок, установление с таким блоком преференциальных торговых отношений в виде зон свободной торговли (ЗСТ), торговых соглашений (ТС) и т.д., либо создание двустороннего союза.

Примером первого варианта является ЕС. Однако, большинство стран придерживаются более мягкого варианта вовлечения (сотрудничества). Многосторонний блок выступает в качестве ядра, вокруг которого по модели **hub and spokes** группируются другие страны, не желающие либо не способные к вступлению. Соглашение о ЗСТ с ЕС в разное время заключили около 17 стран, с 1996 г. действует ТС с Турцией, поставлена задача по созданию Евро-Средиземноморской ЗСТ и т.д. Число такого рода альянсов в последнее время только возрастает. Формируется тенденция выхода интеграционного процесса за рамки самого интеграционного блока, за счет создания новых торгово-экономических структур, состоящих из ядра развитых стран и периферии, образованной менее развитыми странами. Устойчивость такой системы обеспечивается не только притяжением концентрированного экономического и интеллектуального потенциала стран ядра, но и инвестиционной, технической помощью, оказываемой странам окружения.

Именно с целью поддержания стабильности и недопущения угроз к собственным границам и была разработана Европейская Политика Соседства (ЕПС).

Правовой основой отношений Украины с ЕС в формате ЕПС является Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, подписанное в 1994 г. и вступившее в силу в 1998 г. Однако это Соглашение изначально не в полной мере отвечало интересам Украины, так как не фиксировало перспективы членства и содержало равные условия с неевропейскими странами, то есть государствами, не имеющими формально-правовых юридических оснований

для интеграции. По этой причине по инициативе Польши и Швеции в мае 2008 г. была анонсирована новая программа ЕС – «Восточное партнерство» (ВП) [2].

Европейский Союз заинтересован в надлежащем государственном управлении, экономическом развитии и стабильности стран на своих восточных границах, в то же время страны Восточной Европы и Южного Кавказа стремятся укрепить свои отношения с ЕС. Политика Евросоюза по отношению к ним характеризуется неравномерностью: ЕС поддерживает эти страны в их стремлении приблизиться к Европейскому Союзу, предоставляя помощь для проведения необходимых реформ в формате особого восточного направления Европейской Политики Соседства. Предложение Комиссии относительно Восточного Партнерства представляет собой поэтапные изменения в отношениях между ЕС и такими странами как Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина, а партнерство предполагает определенные выгоды в следующих областях:

- реструктуризация энергосистем стран с целью увеличения эффективности производства энергии и снижения зависимости от импорта энергоносителей из России;
- выполнение программ развития малых городов – решение проблем крупных предприятий;
- разработка программы «флагманской» приватизации и модернизации промышленных предприятий;
- создание зоны свободной торговли со странами ЕС².

Основным отличием ВП от ЕПС должно стать большее участие гражданского общества в интеграционном процессе.

Украина, провозгласившая курс на евроинтеграцию, реализует модель так называемой «зависимой» интеграции. Модернизация в Украине осуществляется за счет внешних заимствований, в этих условиях, на наш взгляд, преодоление периферийности практически невозможно, так как инновационный процесс, по сути, каждый раз воспроизводит дисбаланс в экономическом развитии стран региона. И хотя попытка осуществления технологической модернизации за счет иностранных кредитов выглядит привлекательно, заимствования возможны лишь до тех пор, пока есть возможность поддерживать на необходимом для пога-

шения внешнего долга уровне объем экспорта.

Но в этом случае государство крайне зависимо от протекционистской политики своего внешнеторгового партнера, при этом каждый новый инновационный цикл, изменяющий конкурентную среду, может негативно повлиять на возможности сбыта страны-заемщика.

Совместная инициатива ЕС по сотрудничеству в Автономной Республике Крым, презентованная в мае 2010 г. и объединяющая сегодня 13 стран, направлена на осуществление в Крыму пилотного проекта в рамках ВП. Более 12 млн евро должно быть направлено на финансовую поддержку инновационных, инфраструктурных и социальных проектов.

Совершенствование информационной инфраструктуры позволяет по-новому оценить перспективы функционирования СЭЗ во всех Причерноморских государствах, в том числе и в Украине.

Во многих странах мира популярность идеи технополисов объясняется также тем, что их организация способствует более рациональному размещению производительных сил, в частности, децентрализации промышленности, выравниванию экономического уровня периферийных регионов и центра государства, превращению экономически менее развитых районов в научно-промышленные зоны с высоким уровнем жизни [1].

Технопарки как инструмент стимулирования инновационного развития могли бы обеспечить интеграцию Украины в европейское информационно-инновационно-инвестиционное пространство, позволив с максимальной эффективностью использовать имеющийся в стране научно-технический и кадровый потенциал.

Кроме того, распространение технополисов предоставляет возможность решить и такую актуальную проблему как реорганизация существующей системы образования, то есть приближения его к потребностям развития современного наукоемкого сектора. Сегодня едва ли не все технополисы, которые имеют в своем составе высшие учебные заведения или поддерживают с ними тесные контакты, занимаются «подготовкой высококвалифицированных специалистов для своих научно-исследовательских подразделений и фирм» [3]. Традиционная система высшего образования всегда отстает от практики и именно в формате технополиса появляется уникальный шанс готовить и воспитывать специалиста, который, начиная с первых лет обучения, оказывается приобщенным к задачам формирования и развития высокотехнологичного производства.

«Невключенность» в данный процесс усиливает замкнутость не только экономики, но и украинской науки и, как следствие, снижается привлекательность национальной системы высшего образования и ее влияние на рост производительности труда.

² Европейская Комиссия определила характер и преимущества углубленного и всеобъемлющего Соглашения о свободной торговле в своих Сообщениях об «усилении ЕПС» от 04.12.2006 г. – СОМ (2006) 726 – и о «сильной ЕПС» от 05.12.2007 г. – СОМ (2007) 774, а также, в частности, в своем неофициальном документе, озаглавленном «ЕПС – путь дальнейшей экономической интеграции». – Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/non-paper_econo-micintegration_en.pdf

Формирование в странах Причерноморья инновационных **Свободных экономических зон (СЭЗ)** на унифицированных организационно-правовых принципах позволило бы создать региональную инновационную систему, обладающую значительным конкурентным потенциалом, а организация исследований, построенная по принципу централизации, обеспечила бы переход на качественно

новый уровень экономик стран-участниц проекта. Таким образом, преодоление периферийности возможно только путем инновационного развития, целью которого является не просто сокращение разрыва в социально-экономическом развитии Украины и ЕС, но и обеспечение самодостаточности развития на национальном и региональном уровнях.

1. *Соколенко С. И.* Производственные системы глобализации: Сети. Альянсы. Партнерства. Кластеры: Украинский контекст. – К.: Логос, 2002. – 645 с.
2. Сообщение Европейской Комиссии для Европейского Парламента и Европейского Совета // Восточное партнерство ({SEC(2008) 2974}). – Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/index_en.htm
3. *Тацуно Ш.* Стратегия – технополисы / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 11.
4. *Bailes A.* The Role of Subregional Cooperation in Post-Cold War Europe: Integration, Security, Democracy / A. Bailes // Subregional cooperation in the new Europe: building security, prosperity, and solidarity from the Barents to the Black Sea – New York : St. Martin's Press, in association with the Eastwest Institute, 1999. – P. 161.
5. *Cotter A.* Introduction / A. Cotter // Subregional Cooperation in the New Europe: Building Security, Prosperity and Solidarity from the Barents to the Black Sea / A. Cotter (ed.). – New York: Inst. For EastWest Studies, 1999. – P. 3-4
6. *Dezalay Y.* Regionalism, Globalization, and «Professional Society». Between State, Law, and the Market for Professional Services // Regionalism and Global Economic Integration. Ed. by William D. Coleman and Geoffrey R. D. Underhill. – London and New York: Routledge, 1998. P. 197-219.
7. *Hveem H.* Political Regionalism / H. Hveem // Globalism and the New Regionalism. New York: St. Martin's Press, 1999. – Vol. 1. – P. 90-104.
8. *Van Deveer S.* Redefining Security Around the Baltics: Environmental Issues in Regional Context // Global Governance. – 1999. – № 5. – P. 224
9. *Wiberg U.* The Barents Euro-Arctic Region and European Spatial Planning for Sustainable Development / U. Wiberg // NUPI-rapport (Oslo: NUPI). – 1998. – Vol. XXX. – P. 54

Таврический национальный университет имени В.И.Вернадского, Симферополь

Получена 30.06.2011

УДК 910.1

О.Б. Швець

ГЕОГРАФІЧНИЙ ЗМІСТ ВИВЧЕННЯ СОЦІОКУЛЬТУРНИХ КОНФЛІКТІВ

Швец А.Б.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТОВ

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Статья посвящена вопросам становления исследований по геоконфликтологии в постсоветской общественной географии. Раскрывается смысл понятия «социокультурный конфликт». Проведен картографический анализ социокультурной конфликтности в Крыму в 2006-2010 гг.

Ключевые слова: общественная география; конфликт; геоконфликтология.

O. Shvets

THE GEOGRAPHICAL CONTENT OF STUDYING OF SOCIOCULTURAL CONFLICTS

Taurida V.I. Vernadskyi National University, Simferopol

The article deals with issues of development of research on geoconflictology in Post-Soviet human geography. The essence of the concept of sociocultural conflict is considered. The cartographical analysis of the sociocultural conflicts in Crimea in 2006-2010 is carried out.

Keywords: human geography; conflict; geoconflictology.

Сучасне ускладнення і високий ступінь динамічності не тільки соціальних структур, але й територіальних відносин у політиці, культурі, етнічній, релігійній сферах підвищують актуальність досліджень в полі суспільної географії. Для української географічної науки однією з важливих щодо цього проблем є осмислення територіальних наслідків

тих масштабних соціальних трансформацій, які сталися в зоні нового зарубіжжя після розпаду Радянського Союзу.

Ці трансформації не пройшли безконфліктно для новоутворених держав та їхніх народів. Конфлікти, які виявилися на пострадянському просторі, були викликані різними причинами,